

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)

Оригинальная статья / Original paper

Е.И. Щербакова

*Кафедра общественно-гуманитарных дисциплин
Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: igorfom63@gmail.com*

«Слухом земля полнится»

Аннотация

Одной из задач политической полиции Российской империи являлся сбор сведений о настроениях разных слоев общества. В распоряжении исследователей имеется обширный комплекс документов, сохранившихся в фондах III отделения и Департамента полиции ГА РФ, где в качестве одного из важнейших источников информации выступают слухи. Современному понятию «общество» в документах XIX столетия в наибольшей степени соответствует термин «публика», именно ее взгляды отражаются во множестве донесений политической полиции, которые касаются городской, преимущественно столичной жизни. Однако подавляющую массу населения страны — народ составляли крестьяне. Тщательно фиксируя слухи, которые циркулировали в этой среде, пытаясь обнаружить источники тех из них, которые представлялись опасными, служащие политической полиции часто связывали будоражащую народ молву с пропагандой или агитацией неких злоумышленников, хотя такой подход далеко не всегда правомерен. Слухи, которые распространялись среди крестьян, можно свести к нескольким фундаментальным проблемам народного быта, связанным с землей и ее нехваткой, извечной надеждой на «черный передел». Практически любые события в сфере внешней или внутренней политики страны воспринимаются крестьянами через призму ожидания «милости

насчет земли». Информационно-аналитические материалы политической полиции, фиксирующие народную молву, — ценнейший исторический источник, который «приоткрывает для историка окно в коллективную ментальность общества». Однако интерпретация этих данных, когда они касаются крестьян, и для аналитиков из политической полиции, и для современного исследователя связана с немалыми сложностями.

Ключевые слова:

слухи; толки; крестьяне; политическая полиция; информационно-аналитическая деятельность; общественные настроения; III отделение; Департамент полиции

Для цитирования:

Щербакова Е.И. «Слухом земля полнится». Исторический вестник. 2026. Т. 59. С. 40–71. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)

Yekaterina I. Shcherbakova

*Social and Political Sciences Department, Moscow School of Economics
Lomonosov Moscow State University
E-mail: igorfom63@gmail.com*

“A little bird told me”

Abstract

One of the principal tasks of the political police of the Russian Empire was to collect information on the attitudes and sentiments of different social groups. Researchers now have access to an extensive body of documents preserved in the collections of the Third Section and the Police Department of the State Archive of the Russian Federation, in which rumors constitute one of the most important sources of information. In nineteenth-century official documents, the term *publika* (“the public”) most closely corresponds to the

modern concept of “society,” and its views are reflected in numerous reports of the political police, primarily concerning urban life, especially in the capital. However, the overwhelming majority of the country’s population consisted of the *narod* (“the people”), namely the peasantry. By carefully recording rumors circulating among peasants and attempting to identify the sources of those considered dangerous, political police officials frequently attributed unsettling popular gossip to the propaganda or agitation of malicious actors, although such an interpretation was by no means always justified. The rumors that spread among the peasantry can be reduced to several fundamental issues of rural life, chiefly those connected with land, land scarcity, and the enduring hope for a “general redistribution of land” (*chernyi peredel*). Virtually all developments in the country’s domestic and foreign policy were interpreted by peasants through the prism of their expectation of the sovereign’s “grace regarding land.” The analytical and informational materials of the political police that recorded popular rumors constitute an invaluable historical source, one that “opens a window for the historian onto the collective mentality of society.” At the same time, interpreting these materials when they concern the peasantry posed considerable challenges both for the political police analysts who compiled them and for modern historians.

Keywords:

Rumors; Gossip; Peasants; Political police; Intelligence and analytical activities; Public opinion; Third Section; Police Department

For citation:

Yekaterina I. Shcherbakova. «A Little Bird Told Me». *The Historical Reporter*. 2026. Vol. 59. P. 40–71. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.59.002](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.59.002)

Общеизвестно, что функции III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии были чрезвычайно многообразны. «Око государево» приглядывало и за работой бюрократического аппарата, и за антиправительственной деятельностью, и за настроениями разных слоев населения. Этому ведомству изначально отводилась роль «центрального штаба по наблюдению за мнением общим и духом народным»¹, ибо, как писал

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 510. Л. 9.

Максим Яковлевич фон Фок. Литография с оригинала И.П. Фридрица.
Из открытых источников

первый управляющий III отделением Максим Яковлевич фон Фок, общественное мнение «для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны»². Николай I всегда стремился к осведомленности о нуждах и чаяниях подданных, и важнейшей частью ежегодных всеподданнейших отчетов III отделения являлись «нравственно-политические обозрения», которые фиксировали не столько конкретные факты, сколько «общее расположение умов». Сейчас подобный документ называли бы аналитическим обзором. На какие же источники опиралась информационно-аналитическая деятельность политической полиции?

В III отделение поступали сведения от секретных агентов и добровольных информаторов, выдержки из перлюстрации корреспонденции, донесения и отчеты жандармских штаб-офицеров в губерниях, именно от них руководство политической полиции получало основную массу информации с мест. В 1827 г. в жандармских округах были организованы отделения во главе со штаб-офицерами, охватывавшие от одной до трех губерний. К началу 1830-х эта структура была реорганизована в сторону большего «покрытия» территории страны жандармским надзором —

² Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и Корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 141.

теперь управления (вместо отделений) жандармских штаб-офицеров находились во всех губерниях, входивших в состав округов корпуса (последние, за исключением Варшавского, Сибирского и Кавказского, просуществовали до возникновения губернских жандармских управлений в 1867 г.).

Жандармским штаб-офицерам в губерниях предписывалось «по возможности все видеть, все знать, и ни во что не вмешиваться»³, как формулировал их задачу первый глава ведомства — главноуправляющий III отделением и шеф Корпуса жандармов — А.Х. Бенкендорф. Донесения штаб-офицеров, которые следовало составлять раз в полгода, направлялись непосредственно в столицу при рапорте шефу жандармов, минуя начальника жандармского округа, «только начальник московского округа предварительно знакомился с бумагами»⁴. В Петербурге отчеты штаб-офицеров изучал управляющий III отделением, должность которого с 1839 г. совмещалась с должностью начальника штаба Корпуса жандармов. Наиболее содержательные донесения с мест оказывались на столе у шефа жандармов, который мог сообщить их императору⁵; кроме того, они ложились в основу ежегодных отчетов III отделения. Периодичность и форма отчетности менялись, но их роль сохранилась и тогда, когда функции политического надзора были переданы от упраздненного в 1881 г. III отделения — Департаменту полиции МВД.

Каким же образом жандармские офицеры могли судить о настроениях и общественном мнении в подведомственных губерниях? Основным источником сведений служили их собственные наблюдения, выводы же из них каждый делал в меру своего разума. «Не имея платных агентов, жандармы частным образом собирали новости и слухи»⁶, — пишет Г.Н. Бибииков. «...В проявление толков я вникаю с особой заботливостью...»⁷ — подтверждает мнение исследователя жандармский штаб-офицер в Олонецкой губернии А.А. Мышецкий. Его начальник, руководитель первого округа Корпуса жандармов, настаивал на неизменной необходимости сбора «подробных сведений о носящихся слу-

³ Цит. по: Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. С. 94.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 312.

⁷ Белоусов К.Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. С. 57.

Леонтий Васильевич Дубельт. Худ. П.Ф. Соколов.
Из открытых источников

хах; о происходящих толках и рассуждениях по предметам, заслуживающим внимания правительства, о состоянии умов как в высших слоях общества, так и между простым сословием...»⁸.

Помимо донесений жандармских штаб-офицеров, слухи, как показатель общественных настроений, фиксировались в целом ряде документов, которые отложились в фондах III отделения в комплексе материалов за 1857–1869 гг., озаглавленных «Сводки агентурных донесений о толках и слухах по поводу различных событий политической, экономической, общественной жизни России, международных событий и происшествий»⁹. Они, в основном, касаются столичных сюжетов, как и те сводки наиболее важной информации, которую сообщал управляющий III отделением А.В. Дубельт главе политической полиции с 1844 по 1856 г. А.Ф. Орлову во время его отсутствия в Петербурге. Практически ежедневно доставлявшиеся шефу жандармов курьерской почтой «записки для сведения» сохранились в ГА РФ за 1845–1846 и 1849–1855 гг. Кроме того, среди архивных материалов существуют и отдельные дела III отделения, нередко сгруппированные по темам, отражающие мнения населения по различным общественно значи-

⁸ Там же. С. 130.

⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3213–3245.

мым вопросам и базирующиеся, главным образом, на молве, толках и слухах.

Таким образом, в распоряжении исследователя имеется обширный комплекс обзорно-аналитических документов политической полиции Российской империи, в которых слухи выступают в качестве одного из важнейших источников информации. С ними связаны такие задачи политической полиции, как выяснение источника и предотвращение «распространения тревожных слухов», что вполне логично, ибо наблюдение за неблагонадежными мыслями неотделимо от пресечения соответствующих действий. Но при работе с этими данными нельзя упускать из виду, что, помимо фиксации слухов, в документах часто отражается их интерпретация. В первом случае жандармский офицер или чиновник III отделения воспроизводит мнение общества, во втором — свое собственное, и отделить одно от другого оказывается непросто. Несмотря на служебное рвение и стремление к объективности, у аналитиков из политической полиции тоже может быть своя позиция, которая влияет на представляемую информацию.

В любом случае, слухи выступают как основной показатель настроений населения, но население Российской империи далеко неоднородно. Если свести все его многообразие к известной триаде «власть — общество — народ», то разница будет совершенно очевидна. Для задач политического контроля, безусловно, важна позиция представителей элиты. Современному понятию «общество» в документах XIX столетия наиболее соответствует термин «публика», именно ее взгляды и настроения отражаются во множестве донесений политической полиции, которые касаются городской, преимущественно столичной жизни. От народа «публику» отличают, прежде всего, уровень образования, приобщенность к европейской цивилизации, ну и, конечно же, материальный достаток. По словам исследователя Великой французской революции С.Ф. Блуменау, публика — это «меньшинство, обладавшее “имуществом и культурой”» в отличие от народа «с его переменчивыми настроениями и ментальностью, проникнутой предрассудками»¹⁰.

Настроения и поведение публики, слухи, которые циркулировали в этой среде, находятся в центре целого ряда исследований, например, Абакумова О.Ю. «Третье отделение на страже нравственности и бла-

¹⁰ Блуменау С.Ф. Просвещение и проблемы истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155.

Алексей Федорович Орлов. Худ. Ф. Крюгер.
Из открытых источников

гочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866» или Е.В. Балускиной «Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения», чего не скажешь об изучении «расположения умов» в простом народе по материалам политической полиции.

Для России «народ» — прежде всего крестьяне. Это подавляющая масса населения страны, и политическая полиция уделяла ей достойное внимание. Тщательно фиксируя слухи, которые ходили в народе, пытаясь обнаружить источники распространения тех из них, которые представлялись опасными, «служащие политического сыска, — как пишет Л. Ульянова, — в большинстве случаев связывали возникновение слухов с целенаправленной деятельностью различных групп в обществе, которые тем или иным способом демонстрировали свои политические убеждения»¹¹, т.е. пытались связать будоражащую народ молву с пропагандой или агитацией неких злоумышленников, хотя такой подход далеко не всегда правомерен.

Существует целый ряд проблем, которые настолько близки простому человеку, что их можно назвать фундаментальными. Для формиро-

¹¹ Ульянова Л.В. Слухи в инструментарии политической полиции. 1880–1905 гг. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 293.

вания и распространения слухов на эти темы не требуется никакого постороннего вмешательства, они живут в народном сознании поколениями. Д.И. Успенский, проводивший опросы крестьян Чернского уезда Тульской губернии в 1891–1892 гг. и опубликовавший результаты своего исследования в журнале «Этнографическое обозрение», указывает самые животрепещущие темы народной молвы в названии статьи «Толки народа (Неурожай — Холера — Война)». Момент для обследования выбран очень острый — это время катастрофического голода в черноземных и поволжских губерниях, который постиг регион после сильнейшей засухи на фоне неурожайных 1889 и 1890 гг., вызвал распространение эпидемий и унес множество человеческих жизней. Автор приводит совершенно конкретные варианты объяснения этих бедствий: в народном сознании они связаны со злой волей ведьмы, насылающей засуху, действиями медиков, которые намеренно морят народ, или грехами православного люда. Записанные этнографом рассказы содержат и предположения о том, когда напасть закончится, о чем сообщают крестьянам явления Богородицы, святых и провидцев, которые говорят о будущем. Успенский не делает серьезных обобщений, «людская молва, что морская волна, — пишет он. — Подобно этому, нет постоянства в народных толках»¹². Но даже если это так, темы, которые эти толки вызывают, неизменны на протяжении столетий и связаны с условиями существования крестьян в «зоне рискованного земледелия». В целом слухи, циркулировавшие в народной среде, передают либо страхи, либо надежды.

Изучая поведение русских крестьян во время Первой мировой войны, О.С. Поршнева замечает: «Несмотря на присущий крестьянам известный хозяйственный и социально-бытовой рационализм и прагматизм, восприятие событий, причины которых оставались за пределами их умственного горизонта, на протяжении веков у них определялось действием традиционных ментальных установок»¹³. Важнейшая из этих ментальных установок связана с представлением о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Слухи о земле и воле — время от времени затихающие, но не прекращающиеся практически никогда — составляли одну из главных забот

¹² Успенский Д.И. Толки народа (Неурожай — Холера — Война) // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 184.

¹³ Поршнева О.С. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914 — февраль 1917) // Человек и война. Война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 192.

политической полиции. «При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян»¹⁴, — отмечают аналитики из III отделения.

В интереснейшем исследовании особенностей народного сознания К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды» приводится молва о том, что после смерти Александра I по неизвестным народу причинам на престоле оказался не Константин Павлович, а Николай. «Замечательно, что оба эти факта были истолкованы народным сознанием как следствие того, что и Александр и Константин хотели освободить крестьян»¹⁵. Ходил также слух о том, что «Александр дал перед смертью свободу, а Николай скрыл ее»¹⁶.

«Краткий обзор общественного мнения в 1827 году» содержит сведения о том, что «среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего Мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: “Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их”»¹⁷. Причем автор обзора призывает обратить на крестьянскую молву особое внимание, «так как из этого сословия мы вербуем своих солдат»¹⁸.

В середине 1850-х гг. в народную среду не могла не просочиться информация о подготовке крестьянской реформы. Очень любопытный разговор зафиксирован в сводке III отделения от начала мая 1857 г. «На днях легковой извозчик спросил седока: а что слышно, барин, скоро ли родит государыня, ведь толкуют, что если Бог даст государю сына, то он непременно хочет дать нам вольницу, потому что этот сын будет Царской сын и важнее всех других его детей. — Государь уже давно бы для нас что-нибудь сделал, да не может — помещики его упрашивают, а если теперь будет сын, то с этого дня, говорят, все наши дети, которые родятся с этого времени, будут вольными, а для нас самих будет назначена такса для выкупа себя на волю, не так как теперь — плати сколько господин захочет, а другой черт знает что ломит, от того-то и не мо-

¹⁴ Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. С. 201.

¹⁵ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. С. 200.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Россия под надзором. С. 24.

¹⁸ Там же.

жем выкупиться, а если будет, как государь хочет, так мы скоро будем все вольные. — Дай-то Боже, государю сына, — ждем, не дождемся!»¹⁹ Вероятно, имеется в виду Сергей Александрович, который появился на свет 29.04/11.05 1857 г. Но особенность этого слуха не в том, что освобождение крестьян народная молва связывает с важным событием в августейшем семействе, и не в том, что, по мнению простых людей, государь давно готов крестьянам помочь, а мешают ему помещики. Удивительно, что речь идет о посильной сумме выкупа на волю. Обычно личное освобождение и наделение землей крестьяне представляли себе в качестве «царской милости» — разумеется, даром. Возможно, дело в том, что этот разговор ведет столичный извозчик, до какой-то степени приобщенный к жизни образованной публики, среди которой горячо обсуждались условия крестьянской реформы.

О том, что эти условия крестьян не удовлетворили, написаны тома, и останавливаться на этом я не буду. Отмечу лишь, что в «Нравственно-политическом обозрении» III отделения за 1861 г. появилась рубрика «По крестьянскому делу», где констатируется: «Большинство крестьян надеялось получить совершенное освобождение от обязательных повинностей помещикам и даровой надел земли»²⁰. В разных губерниях немедленно появились самозванные «царские посланники» для разъяснения высочайшей воли, среди них посланцы от великого князя Константина Николаевича, великий князь Константин Павлович (умерший еще в 1831 г.) и даже сам государь император, которым назвался бессрочноотпускной Орловского пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка рядовой Василий Храбров²¹. К.В. Чистов утверждает, что «легенда о Константине-“избавителе” была последним этапом 250-летней истории русских легенд об избавителях. После 60-х гг. XIX в. подобные легенды нам неизвестны»²². Однако это не совсем так. Несколько десятилетий спустя в роли «избавителя» и защитника крестьянских интересов, как мы увидим ниже, будет выступать великий князь Михаил Александрович.

Политическая полиция не обнаружила во всех этих фактах пореформенных волнений посторонних влияний. Даже смущенные самозван-

¹⁹ *Балушкина Е.В.* Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения // Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии / Гл. ред. С.В. Мироненко. М., 2023. С. 58.

²⁰ Россия под надзором. С. 551.

²¹ Там же.

²² *Чистов К.В.* Указ. соч. С. 219.

цами крестьяне повсеместно проявляли непоколебимую веру в добрую волю царя, но с другой стороны — «сомнение в помещиках и чиновниках», которых обвиняли в сокрытии «настоящего Манифеста»²³. С требованием крестьян открыть им настоящую волю были связаны и трагические события в селе Бездна Казанской губернии. Лидер восстания Антон Петров убеждал односельчан, что «царь объявил полную свободу, вся земля отныне будет крестьянская, а власть только царская. Все, кто говорит о другой воле, — куплены помещиками»²⁴.

Кроме того, III отделение сообщает о повсеместно разнесшихся слухах, что через два года «будет объявлена новая полная воля с дарованием земли и что этого права будут лишены те, которые согласятся на предлагаемые теперь помещиками условия. Посему введение уставных грамот встретило везде упорное сопротивление...»²⁵. Вероятно, это связано с тем, что первые два пореформенных года предназначались для составления этих самых уставных грамот, в которых фиксировались размеры крестьянских наделов и повинностей. Предполагалось, что с 1863 г. начнется массовый переход крестьян на выкуп. Кстати, подобное же саботирование землеустроительных новшеств мы обнаружим во время проведения Столыпинской аграрной реформы, о чем речь пойдет далее.

Если следовать хронологии, то следующий всплеск ожиданий царской «милости» и распространения соответствующей молвы приходится на конец 70-х гг. С одной стороны, это время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с другой — «хождения в народ» и последующей волны революционного терроризма.

Автор знаменитых «Писем из деревни» А.Н. Энгельгардт, организовавший в своем имении в Смоленской губернии образцовое хозяйство, проживший бок о бок с крестьянами много лет и прекрасно знавший пореформенную деревню, писал, что крестьяне «ждут милости насчет земли. ...Никаких сомнений, все убеждены, все верят. Удивительно даже, как это люди слышат и видят именно то, что хотят видеть и слышать»²⁶. Толки о наделении землей «никогда не прекращаются, но затихают до первого случая, до первого выходящего из ряда события»²⁷. Таким событием оказалась очередная Русско-турецкая

²³ Россия под надзором. С. 552.

²⁴ Цит. по: Чистов К.В. Указ. соч. С. 214.

²⁵ Россия под надзором. С. 552–553.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем (1872–1887). М.: Сельхозгиз, 1956. С. 407.

²⁷ Там же. С. 409.

война, слухи о новом «положении» резко усилились и нарастание их зависело от известий о ходе военных действий. К примеру, после победы под Плевной в народе говорили: «Кончится война, будет ревизия и будут равнять землю»²⁸. Заметим, не отбирать у кого-то и отдавать бедным, а «равнять» — каждый получит столько, сколько может обработать. Причем мешают царю-батюшке явить «милость насчет земли» бунтующие господа!

Особенно эти слухи усилились в 1879 г., вероятно, после покушения на императора Александра Соловьева, так что восприятие деятельности революционеров в крестьянской среде было весьма своеобразным. Уже после первого покушения на Александра II, которое 4 апреля 1866 г. совершил Дмитрий Каракозов, разнеслась молва, что стрелял помещик, мстивший царю за освобождение крестьян. Хотя, с другой стороны, любопытно и показательно переосмысление народом слова «нигилисты». Среди зевак, присутствовавших при казни Каракозова, был зафиксирован такой разговор: «Есть, братец ты мой <...> секта такая, и называется она наделистами, значит, всех наделить землей хочет»²⁹.

Злонамеренные люди стараются известить государя из мести за крестьянскую волю, «господа могут скрыть манифест о земле, который непременно скоро будет дан»³⁰. Весной 1881 г., вероятно в связи с восшествием на престол нового императора, эта уверенность укрепилась еще больше. Сведения А.Н. Энгельгардта подтверждают данные О.П. Семенов-Тянь-Шанской, которая проводила опросы населения деревень Рязанской губернии³¹. Введенное через несколько месяцев после гибели Царя-освободителя «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», когда, как пишет Энгельгардт, «пошли строгости и приказано было осматривать у всех паспорта, останавливать проезжающих и пр.», вызвало среди крестьян разговоры о том, что долгожданную «милость» они получат именно тогда, «когда переловят господ, которые бунтуют»³².

Фигура царя, не важно, какого именно, — основа народных чаяний. «По понятиям мужика, ...только мир, да царь думают обо всех... Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что он всех одинаково любит, всех

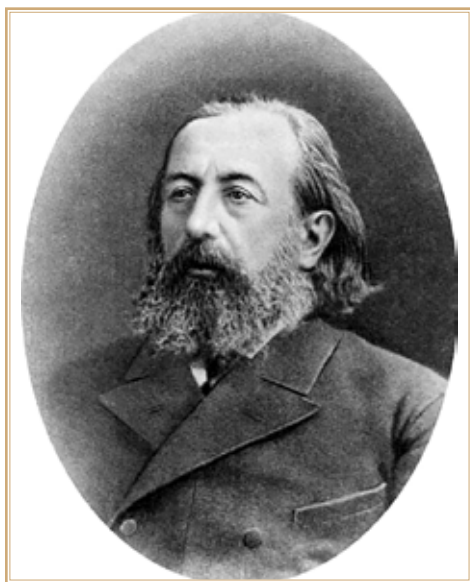
²⁸ Там же.

²⁹ Вормс Н.А. Белый террор // Колокол. 1 января, 1 февраля, 1 марта 1867.

³⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 408.

³¹ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 145–146, 157.

³² Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 411.

Александр Николаевич Энгельгардт.
Из открытых источников

ему одинаково жалко. Функции царя — всех равнять»³³. Представление о самодержце, который стоит надо всеми и примиряет интересы подданных, прекрасно сочетается с общинным мировоззрением, в основе которого лежат представления о равенстве и справедливости.

Прежде чем снова обратиться к материалам политической полиции, давайте подытожим и сделаем это словами А.Н. Энгельгардта: «Общий вывод, какой можно сделать из всех этих слухов и толков, тот, что мужику мало этой земли, которою он наделен, что ему нужно еще земли»³⁴.

Земля всегда оставалась непременной составляющей народных забот и народной молвы. Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в. не решили проблему крестьянского малоземелья, не справилась с ней и Столыпинская реформа. Если мы сравним информацию о слухах и толках в крестьянской среде, которая приводилась в нравственно-политических отчетах III отделения, и данные Департамента полиции начала XX в., мы увидим, как мало, в сущности, изменилось.

Трудности реализации Столыпинской реформы усугублялись различными слухами, которые, как и раньше, политическая полиция тщательно фиксировала. В нашем распоряжении имеется чрезвычайно информативный источник — отчеты о настроениях населения, которые

³³ Там же. С. 413.

³⁴ Там же. С. 417.

ежемесячно составляли и направляли в Департамент полиции с 1909 по 1915 г. губернаторы в связи с распоряжением председателя Совета министров и министра внутренних дел П.А. Столыпина (циркуляры от 8 мая и 16 ноября 1907 г.), а также, традиционно, губернские жандармские управления.

Напомню, что условия реформы предполагали свободный выход из общины с закреплением в личную собственность причитающейся крестьянам части общинной земли. Излишки сверх нормы душевого надела можно было получить по выкупным ценам 1861 г., если же в данной общине переделы не производились в течение 24 лет, то бесплатно. Крестьянин имел право требовать выделения всех угодий к «одному месту» в виде хутора или отруба.

Как мы уже знаем, мысль о наделении землей не покидала крестьян никогда, активизируясь при каждом случае, который народное сознание воспринимало в качестве значимого исторического события. И теперь, как и прежде, крестьяне ждали улучшения своего положения от щедрот государя-батюшки в связи с различными юбилейными датами, которых на ближайшее время приходилось целых две: 100-летие Отечественной войны 1812 г. и 300-летие дома Романовых.

Летом 1911 г. в Нижегородской губернии был зафиксирован слух о предстоящем в 1912 г. «отобрании земли у помещиков», которым оставят одни лишь усадьбы³⁵. К сентябрю 1911 г. слух конкретизировался. В Тверской губернии говорили, что «крестьяне-общинники получают дополнительные наделы и что на эти наделы будут обращены казенные, удельные и помещичьи земли»³⁶. С распространением этой молвы связывали ухудшение отношения крестьян к крупным земельным собственникам.

Во Владимирской губернии рассуждали о том, что «будто бы депутаты Государственной Думы передавали летом, что ими внесен законопроект о принудительном отчуждении помещичьей земли в пользу крестьян, но законопроект этот нынешней Думой “положен под сукно”, новою же Думой будет рассмотрен в первую очередь»³⁷. Действительно, накануне думских выборов брожению в крестьянской массе могла способствовать предвыборная агитация. К примеру, в Воронежской губернии циркулировали слухи о предстоящих в 1912 г. повсеместных

³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 55. Л. 25 об., 41.

³⁶ Там же. Л. 30 об.

³⁷ Там же. Л. 41.

забастовках, с помощью которых социал-демократическая партия при содействии «настроенных будто бы против правительства войск» выведет крестьян из угнетенного положения³⁸. В Тамбовской губернии на фоне беспорядков при землеустроительных работах и пожаров в помещичьих имениях ходили упорные толки о разделе помещичьих земель в связи с предстоящим в 1912 г. восстанием. Под влиянием этих известий крестьяне отказывались от укрепления за собой земли даже на самых выгодных условиях, «опасаясь лишиться по случаю выхода из общины дополнительного надела»³⁹.

Рассуждая о жизни крестьянского мира, нельзя сбрасывать со счетов такие явления, как неурожай или, наоборот, урожайный год, страда и тому подобные факторы бытия деревни. В 1911 г. Поволжье постиг неурожай, и в Казанской губернии возникли совершенно фантастические слухи, «будто бы, Государь Император намерен отказаться от престола и выехать за границу; что Государыня Императрица пред рождением Наследника Цесаревича дала обет наделить крестьян землей, но Его Величество не позволил исполнить это, ввиду чего Государыня Императрица уже три года тому назад выехала за границу, к своему Августейшему Родителю, с Наследником Цесаревичем, не просвещенным даже св. крещением...»⁴⁰. В Тверской губернии говорили, «будто бы у Государя Императора родился второй сын, остающийся второй месяц некрещеным, ввиду нежелания Государыни Императрицы Марии Федоровны согласиться на необходимость дополнительного наделения крестьян землей по случаю этого события»⁴¹. Вдовствующая императрица почему-то нередко фигурирует в подобных толках как противница наделения крестьян землей. Б. Колоницкий, работавший с материалами РГИА, упоминает такие слухи, ходившие в народе в 1914–1915 гг.: Мария Федоровна «слюбилась со Столыпиным и от него прижила ребенка», поэтому «крестьянам земли и не дали», или «земли дали бы, но мешает старая»⁴².

Рассуждали, что «в 1912 году предстоит наделение крестьян землей и если таковое не состоится почему-либо, то надо ожидать беспорядков, подобных бывшим в 1905 г.; что совпадение первого дня Св. Пасхи

³⁸ Там же. Л. 53 об.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Там же. Д. 54. Л. 54.

⁴¹ Там же. Л. 69.

⁴² Колоницкий Б.И. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в слухах эпохи Первой мировой войны // Слухи в России XIX–XX веков. С. 42.

с днем Благовещения является в этом отношении предзнаменованием весьма важного значения, и т.п.»⁴³. В Тверской губернии «осведомленные» люди рассказывали, что «Великий Князь Михаил Александрович будет добиваться силою оружия, с помощью крестьян и солдат, восстановления утраченных прав на престолонаследие, которых Его Высочество лишен своими врагами, и в награду за помощь будет бесплатно раздавать помещичьи земли»⁴⁴. Таким образом, мы снова видим легенду об «избавителе», без которого народу так трудно справиться со своими бедами.

В Воронежской губернии в январе 1912 г. среди крестьян ходили слухи об «особом “народном” правительстве, которое весной, во время всеобщей забастовки отберет всю землю от помещиков и крестьян, вышедших на отруба, и отдаст таковую общинникам, помещиков же и отрубщиков будут жечь, что нечего покупать землю при посредстве банка, так как впоследствии земля будет раздаваться всем даром, что весной не надо сеять хлеб, так как явится вооруженная боевая партия, которая возьмет верх над господами, ограбит их и раздаст все крестьянам, которым хватит дарового пропитания на целый год»⁴⁵. К весне 1912 г. снова активизировались толки о том, что перемен надо ждать на Пасху — в Страстную субботу предстоит разгром помещичьих усадеб и ожидается «отобрание помещичьей земли в пользу крестьян общинников»⁴⁶. По сравнению с XIX столетием в настроениях крестьян все больше присутствует элемент агрессии, и теперь мы все чаще слышим слово «отобрать» вместо «поравнять».

Чрезвычайно содержательный отчет был получен Департаментом полиции в феврале 1912 г. из Саратовской губернии. «Настроение крестьян в общем спокойное, но прочному успокоению их мешает недовольство новыми формами землеустройства и почти повсеместный неурожай, которого следует ожидать и в текущем году». По донесению начальника местного губернского жандармского управления, «революционное настроение крестьян с 1905 г. не ослабевало, но революционная агитация в настоящее время ведется не слабыми попытками отдельных пропагандистов и не работой отдельных революционных организаций, которых в губернии нет, а общим развитием самосознания крестьянства, инте-

⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 54. Л. 54; Д. 55. Л. 1 об.

⁴⁴ Там же. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Д. 55. Л. 1 об. — 2, 5.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

ресующегося не только местными, но и мировыми событиями, почему среди крестьян все более и более распространяются газеты и особенно ходкие слухи, подрывающие те принципы, которым крестьянство привыкло раньше верить, причем измышлению слухов способствуют некоторые неудачи в деле землеустройства и борьбы с недородом, истекающие от отсутствия предварительной разработки этих вопросов, а также планомерности и порядка в их осуществлении»⁴⁷.

Вообще крестьянское восприятие действительности прекрасно отражает устойчивое мнение о том, что «неурожай у нас от Бога, а голод от правительства»⁴⁸. Правительству и помещикам, как проводникам его воли на селе, не доверяли, в самых, казалось бы, благих намерениях власть предержащих искали подвох. Все меньше надежд возлагается на царя-благотетеля, все сильнее нарастает тенденция к радикальному решению насущных проблем своими силами, нередко оборачивающимися насилием.

Насилие народные массы часто применяли и раньше в борьбе с еще одной неизбывной бедой — эпидемиями. Одной из наиболее опустошительных была, несомненно, холера лета 1831 г., распространившаяся из юго-восточных регионов страны вплоть до столицы и ее окрестностей. Предпринятые властями меры вызывали крайне негативную реакцию населения.

«...Полиция, от излишнего ли усердия или лучше сказать от невежества исполнителей, начала хватать и отсылать в холерные больницы не только больных холерою, но и всякого рода больных и даже встречаемых на улицах пьяных и слабых людей. В больницах же большая часть привозимых вскоре умирали по неопытности медиков в лечении сей новой болезни, умирали даже и не имевшие холеры от приема сильнейших лекарств, ибо их лечили наравне с холерными»⁴⁹. В самом разгаре было Польское восстание 1830–1831 гг. и немедленно разнеслась молва, что народ отравляют «доктора, подкупленные поляками», что это «заговор на погубление россиян»⁵⁰.

Политическая полиция отмечает, что «народ долго своевольничал», хватая на улицах всех казавшихся подозрительными; в первую очередь страдали медики, евреи, поляки и просто иностранцы. Более того, в один

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

⁴⁹ Россия под надзором. С. 80.

⁵⁰ Там же.

Император Николай I во время холерного бунта на Сенной площади. 1831 г.
Из открытых источников

из последующих всплесков холеры, во время голода 1891–1892 гг., ходили слухи, что людей морят злоумышленники по приказу некоего иноземного царя, который собирается с Россией воевать, но боится не справиться⁵¹. Губернские жандармские управления сообщали в Департамент полиции, что в народе «вину за распространение холеры возлагали на англичан или их королеву Викторию»⁵². Как сообщает Ш. Визе, слух об англичанах мог казаться убедительным в связи с тем, что в Поволжье в это время действительно работала делегация английских медиков. «Трудно сказать, — замечает исследователь, — какое значение при этом имели сообщения прессы о столкновении интересов Российской и Британской империй на Среднем Востоке, а также воспоминания о Крымской войне»⁵³. Мне представляется, что, скорее всего, в этом контексте стоит упомянуть о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., о которой мы еще поговорим.

Как и в 30-е гг., в начале 90-х в Поволжье жгли холерные больницы и избивали врачей, которые по слухам хоронят простых людей заживо. «В окрестностях Саратова говорили о том, что врачи были подку-

⁵¹ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 185.

⁵² Цит. по: Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. С. 309.

⁵³ Там же.

Посещение императором Александром III холерного госпиталя.
Из открытых источников

плены нехристями, в Симбирской губернии объясняли, что убийства населения — мера по борьбе с болезнью (по аналогии с уничтожением заболевшего скота). В Казанской губернии рассказывали, что массовые смерти под прикрытием холеры происходят, так как “нет денег кормить голодных”. ...В Нижнем Новгороде говорили, что количество врачей в последние годы настолько выросло, что сейчас им нужно больше земель для жизни, и поэтому убивают людей⁵⁴. От Саратова до Казани и Нижнего Новгорода шла молва о том, что местная администрация растратила средства, выделенные для помощи голодающим, и теперь сама распускает слухи об эпидемии в крае, чтобы не допустить визита царя (в других вариантах — царевича) с инспекцией⁵⁵. Ш. Визе связывает этот слух с тем, что помощь крестьянам «частично была оказана землей, которую те рассматривали как подарок». Когда же саратовский губернатор заявил, что эту помощь нужно будет вернуть, крестьяне восприняли это как несправедливость⁵⁶. То есть мы снова видим, что главные заботы крестьян связаны с землей, нехватка которой к концу XIX в. становилась все более и более очевидной.

Еще одно страшное бедствие, неизменно являвшееся предметом слухов и толков, — пожары. Очень часто, наверное, со времен Смуты,

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 310.

⁵⁶ Там же. С. 319.

Илларион Михайлович Бибилов.
Из открытых источников

их связывали с преступной деятельностью поляков. Особенно правдоподобно такие объяснения звучали после польских восстаний. Отчет III отделения за 1833 г. сообщает, что пожары в Петербурге «разумеется, приписывались полякам»⁵⁷, причиной московских пожаров 1834 г. народ тоже считал «умышленное зажигательство поляков»⁵⁸. «Розыски» политической полиции свидетельствовали о безосновательности народной молвы, но традиционного отношения к полякам, как к бунтовщикам и злоумышленникам, изменить не могли.

Иногда народные представления о причинах тех или иных событий приводят в ступор не только исследователей, но и современников. В 1839 г. распространение пожаров молва объясняла тем, «что Его Высочество Наследник женится на дочери турецкого султана, и на радостях сожгут три губернии. Крестьяне верили!»⁵⁹ — изумляется составитель отчета III отделения. В Симбирской губернии распространились удивительные слухи, что «поджоги производят помещики для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое ее императорскому высочеству великой княгине Марии

⁵⁷ Россия под надзором. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 118.

⁵⁹ Там же. С. 205.

Александр Алексеевич Панчулидзе.
Из открытых источников

Николаевне. Говорили о появлении покойного великого князя Константина Павловича; о казни дворянам и наконец поверили, что поджигает правительство для переселения усадеб по новому плану»⁶⁰. От помещиков и от правительства, вероятно, также не ждали ничего хорошего, как и от поляков.

В том же, щедром на пожары, 1839 г. жители Саратовской губернии пришли к «всеобщей мысли, что поджигают евреи по тайному влиянию поляков и в отмщение за повинность рекрутскую», которой евреи подлежали с 1827 г., «везде говорили об евреях, прибавляя, что сначала они будут жечь по всей России дома и хлеб на корне, а потом морить людей ядом». Толками и пересудами дело не ограничивалось, «ожесточенный народ буйствовал, видя истребление домов и имуществ», самосуд и немедленная расправа стали обыденным делом»⁶¹.

Причем даже представители администрации могли оказаться во власти устойчивых мнений толпы. Саратовский губернатор Илларион Михайлович Бибииков официально уведомил своего пензенского коллегу, Александра Алексеевича Панчулидзева, что «поджигают жида, под-

⁶⁰ Там же. С. 203.

⁶¹ Там же. С. 204–205.

купленные поляками, для ослабления России»⁶². И молва, подкрепленная авторитетным мнением начальства, разлетелась по Поволжью.

Командированный в эпицентр бедствия жандармский генерал Степан Васильевич Перфильев пришел к выводу, что пожары происходят большей частью от неосторожности жителей при продолжительной засухе. Попадались и поджигатели, но целью их оказывались банальный грабеж или ненависть к соседям. «Злоумышления со стороны поляков не найдено и вообще по всем строжайшим исследованиям и розысканиям не открылось никакого общего обдуманного направления умов, никакого внешнего наущения или политической цели к расстройству Империи»⁶³.

А красный петух между тем все гулял по Центральной России — по Нижегородской и Казанской, Оренбургской и Пермской, Тамбовской и Костромской губерниям. Где-то носились слухи, что поджигатели — чиновники лесного ведомства, скрывающие незаконную порубку; где-то грешили на притесняемых властями раскольников; но «общее мнение относилось к злоумышленным действиям к полякам»⁶⁴.

«Чужой» для традиционного сознания всегда подозрителен, а за границей всегда найдутся недоброжелатели. Народная молва 90-х гг. XIX в. гласила, что в Москве «появились какие-то чужеземные люди и стали ездить по городу на дрожках и на хороших лошадях. Под дрожками у них была привязана зажигательная мазь. Бывало, такой господин подъедет к какому-нибудь дому и мазнет по нем этою мазью; а как солнышко пригреет, дом-то и загорится. И эти злодеи спалили было всю Москву, да, спасибо, их переловили арканами»⁶⁵. Объясняли это кознями иноземного царя, который хочет ослабить Россию, прежде чем пойти на нее войной.

Война, которая напрямую касается крестьянства, как основы армии и главного налогоплательщика, тоже всегда является предметом разнообразных слухов. Во второй половине XIX в. наиболее сильный отклик в народе вызвали Балканский кризис и последовавшая за ним Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В 1875 г. началось восстание против турецкого господства христианского населения Боснии и Герцеговины, а весной 1876 г. произошло вос-

⁶² Там же. С. 205.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 185.

Степан Васильевич Перфильев.
Из открытых источников

стание в Болгарии, подавленное с невиданной жестокостью. Средства массовой информации распространяли сообщения о «турских зверствах», как говорили на Балканах. В России, которая издавна привыкла считать своей священной миссией защиту интересов братьев по вере, ширилось общественное движение. Славянские комитеты собирали средства для повстанцев и пострадавших, тысячи добровольцев отправлялись на помощь воюющим южным славянам.

Для простого русского человека ни одна война, которую вела Российская империя, за исключением разве что Отечественной войны 1812 г., не была так близка и понятна. Славянам, страдавшим под турецким игом, искренне сопереживали, успехам русских войск так же искренне радовались. Грамотные читали газетные новости, неграмотные распространяли самые фантастические слухи, о том, например, что «англичанка» (читай, королева Виктория), которая России все время «гадит», «от себя железную дорогу подземную в Плевну сделала и по ней турку войско и харч доставляла, а он-то, Черняев, англичанкину дорогу сейчас увидал и засыпать приказал. Ну, сейчас тогда Плевну и взяли»⁶⁶.

Крестьяне обсуждали и вопрос о том, как же усмирить «англичанку», и самым верным способом видели обращение ее и ее подданных в пра-

⁶⁶ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 220.

вославие. «...Стали говорить, что будет набор из девок, что этих девок царь отдает в приданое за дочкой, которая идет к англичанке в дом. Девки, толковали, выдадут замуж за англичан, чтобы девки их в нашу веру повернули»⁶⁷. Пищу этим слухам давала свадьба великой княжны Марии Александровны и принца Эдинбургского Альфреда, второго сына королевы Виктории. В 1874 г. он прибыл в Россию, «поднесение принцу Эдинбургскому Смоленской иконы Божьей Матери дало обильную пищу толкам и слухам, которые все можно свести к одной мысли — мы стремимся перевести англичанку в нашу веру»⁶⁸.

Союзником России в этой и грядущих войнах народу почему-то виделся Китай. «Китай за нас подымется. Царь Китаю не верит, боится, чтоб не обманул, говорит ему: ты, Китай, свой берег Черного моря стереги, а я, говорит, буду свой стеречь»⁶⁹. В 90-х гг. тоже толковали о том, что в предстоящей войне на нашей стороне выступит «Китай-царь»⁷⁰.

Но от любых внешнеполитических сюжетов крестьяне переходят к рассуждениям о самом насущном — о земле. После взятия Плевны, когда стало ясно, что война идет к концу, появились разговоры о том, что готовится новое «Положение», «весной землемеры приедут землю делить», а помещикам «казна теми деньгами заплатит, что с турок возьмет»⁷¹. После решающих побед в Шипко-Шейновском сражении и при Филиппополе крестьяне интересовались, «много ли наши турецкой земли забрали», и поговаривали, что «безземельных будут на турецкую землю переселять»⁷². Слухи о том, что «в виде награды за понесенные... во время войны жертвы» крестьянам будет передана вся частновладельческая земля⁷³, фиксировались политической полицией и во время Первой мировой войны.

Таким образом, обозначая круг проблем, которых чаще всего касались слухи в крестьянской среде, мы можем констатировать, что он начинается и замыкается вопросом о земле, многовековой надеждой на «черный передел».

Природа слухов как социального феномена в последнее время неоднократно привлекала внимание ученых. Определяя слухи как «не-

⁶⁷ Там же. С. 228.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 220.

⁷⁰ Успенский Д.И. Указ. соч. С. 186.

⁷¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 211.

⁷² Там же. С. 216.

⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 57. Л. 203 об.

Великая княжна Мария Александровна с женихом принцем Альфредом, отцом императором Александром II и братом великим князем Алексеем Александровичем, 1873–1874 гг.

Из открытых источников

подтвержденные сообщения, в ситуациях проблемного характера распространяющиеся по неофициальным каналам общения на правах новостей о значимых изменениях социальной или природной среды»⁷⁴, авторы подчеркивают, что они имеют хождение в рамках конкретного коллектива, для которого являются, во-первых, понятными, а во-вторых, важными. Слухи компенсируют недостаток достоверной информации, адаптируют полученные сведения к запросам того общества, в котором циркулируют, «обнаруживая социальные фобии и надежды»⁷⁵. Б.В. Дубин видит в молве инструмент, позволяющий интерпретировать тревожные и непонятные явления действительности. Исследователь называет слухи «традиционалистской реакцией на более широкий контекст, на

⁷⁴ Горбатов Д.С. Слухи как коммуникативный феномен // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 36.

⁷⁵ Никонова О.Ю. Война, рассказанная по секрету: слухи и возможности их интерпретации // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 98.

новое и непривычное»⁷⁶, когда чужое и чуждое переводится в понятные, свои, категории.

В историографическом обзоре «Слухи в современной социокультурной среде» Е.В. Осетрова отмечает, что систематическое изучение феномена слухов началось после Первой мировой войны и первопроходцами в этой сфере оказались немецкие и американские психологи. Отечественная традиция осмысления слухов «существует лишь в пространствах русской историографии и фольклористики»⁷⁷, хотя значительное количество авторов обращалось к этим материалам в ходе своих исследований. Историки делают сходные выводы о том, что слухи играют огромную роль в жизни традиционного общества, составляя важнейший источник знаний и способ понимания окружающего мира. Кроме того, молва, соответствующая стереотипам массового сознания, способна влиять на поведение людей, как мы успели убедиться на примере сопротивления крестьян реформам 1861 и 1906 гг.

Е.В. Осетрова обращает внимание на отношение к слухам и практику их использования институтами власти. «1960-е гг. — время приобщения к проблеме силовых структур США, — отмечает автор. — Динамические механизмы неофициальной информации профессионально изучали в ЦРУ и Пентагоне, исходя из убеждения, что пропаганда при помощи слухов, особенно во внешнеполитической деятельности, сопоставима с пропагандой через СМИ»⁷⁸. Спецслужбы могут не только фиксировать и анализировать слухи, но и использовать их. Но в Российской империи, насколько мне известно, подобные технологии еще не применялись.

Материалы информационно-аналитической деятельности политической полиции вообще и касающиеся слухов в частности — ценнейший исторический источник, который «приоткрывает для историка окно в коллективную ментальность общества»⁷⁹. Однако тот соци-

⁷⁶ Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70. См. также: Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни // Философские исследования. 1993. № 2. С. 136–141.

⁷⁷ Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. СПб., 2011. Online. № 15. С. 59–60. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf>

⁷⁸ Там же. С. 57–58.

⁷⁹ Джонстон Т. Слухи в СССР сталинского времени // Слухи в России XIX–XX веков. С. 25.

альный слой, который меня преимущественно интересует, а именно российское крестьянство, позволяет судить лишь о тех сторонах своей жизни, которые очевидны стороннему наблюдателю. Пропасть между образованным обществом и простым народом, которая разверзлась в Петровскую эпоху, создавала огромные сложности для интерпретации поведения и представлений крестьян, с которыми сталкивались и аналитики из политической полиции. Как писал А.Н. Энгельгардт, проведший часть жизни в непосредственном общении с народом: «...Мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. ...Еще труднее нам понять смысл политических слухов, ходящих в народе, и выяснить себе его воззрения на совершающиеся события»⁸⁰.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Абакумов О.Ю. *Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866.* М.: Центрполиграф, 2017. 317 с.
Abakumov O.Yu. *The Third Section protects morality and propriety. Gendarmes in the struggle against bribes and vice. 1826–1866.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 317 p. (in Russ.).
2. Балушкина Е.В. «Слухи и толки: весна 1857 года в Санкт-Петербурге глазами Третьего отделения», в: *Ежегодник Государственного архива РФ: публикации, исследования, рецензии* / Гл. ред.: С.В. Мироненко. М., 2023. С. 31–99.
Balushkina E.V. «Rumors and talks: The spring of 1857 in St. Petersburg through the eyes of the Third Section», in: *Yearbook of the State Archives*

⁸⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 218–219.

- of the Russian Federation: Publications, research, reviews* / Chief ed. by S.V. Mironenko. Moscow, 2023. P. 31–99 (in Russ.).
3. Белоусов К.Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления. Петрозаводск: Острова, 2021. 271 с.
Belousov K.F. *Olonets people of arms: From the history of the provincial gendarmerie department*. Petrozavodsk: Ostrova, 2021. 271 p. (in Russ.).
 4. Бибииков Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. 356 с.
Bibikov G.N. *Gendarmerie supervision in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856)*. Moscow: Kvadriga, 2023. 356 p. (in Russ.).
 5. Блуменау С.Ф. Просвещение и проблемы истоков Французской революции: современное видение. *Вопросы истории*. 2003;(9):155–161.
Blumenau S.F. Enlightenment and the problems of the origins of the French Revolution: A modern view. *Voprosy Istorii*. 2003;(9):155–161 (in Russ.).
 6. Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 300–322.
Wiese S. Rumors and violence: Cholera riots in Saratov in 1892, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 300–322 (in Russ.).
 7. Вормс Н.А. Белый террор. «Колокол». 1 января, 1 февраля, 1 марта 1867.
Worms N.A. The White Terror. *Kolokol*. January 1, February 1, March 1, 1867 (in Russ.).
 8. Горбатов Д.С. Слухи как коммуникативный феномен, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 28–38.
Gorbatov D.S. Rumors as a communicative phenomenon, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 28–38 (in Russ.).
 9. Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов). *Красный Архив*. 1929;6(37):138–174.

- Count A.Ch. Benckendorff on Russia in 1827–1830 (Annual reports of the III section and the corps of gendarmes). *Krasnyi Arkhiv*. 1929;6(37):138–174 (in Russ.).
10. Джонстон Т. Слухи в СССР сталинского времени, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 18–27.
Johnston T. Rumors in the USSR of Stalin's time, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 2011. P. 18–27 (in Russ.).
11. Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2001. 416 с.
Dubin B.V. *Word — letter — literature: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Observer), 2001. 416 p. (in Russ.).
12. Дубин Б.В., Толстых В.А. Слухи как феномен обыденной жизни. *Философские исследования*. 1993;(2):136–141.
Dubin B.V., Tolstykh V.A. Rumors as a phenomenon of everyday life. *Philosophical Research*. 1993;(2):136–141 (in Russ.).
13. Колоницкий Б.И. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в слухах эпохи Первой мировой войны, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 39–48.
Kolonitsky B.I. The Dowager Empress Maria Feodorovna in the rumors of the First World War era, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 2011. P. 39–48 (in Russ.).
14. Никонова О.Ю. Война, рассказанная по секрету: слухи и возможности их интерпретации, в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории*: Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 75–103.
Nikonova O.Yu. The war told in secret: Rumors and possibilities of their interpretation, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history*: Collection of articles. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 2011. P. 75–103 (in Russ.).

15. Осетрова Е.В. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор. *Антропологический форум*. 2011;(15) (Online). URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).
Osetrova E.V. Rumors in the modern socio-cultural environment: A historiographical review. *Antropologicheskii Forum*. 2011;(15) (Online). URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (Accessed: 02.03.2026) (in Russ.).
16. Поршнева О.С. Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917), в: *Человек и война. Война как явление культуры* / Ред.: И.В. Нарский, О.Ю. Никонова. М.: АИРО-XX, 2001. С. 190–215.
Porshneva O.S. The Russian peasant in the First World War (1914 – February 1917), in: *Man and war. War as a cultural phenomenon* / Ed. by I.V. Narsky, O.Yu. Nikonova. Moscow: AIRO-XX, 2001. P. 190–215 (in Russ.).
17. *Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869*. Сост.: М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. 703 с.
Russia under surveillance: Reports of the III Section, 1827–1869. Comp. by M.V. Sidorova, E.I. Shcherbakova. Moscow: Russian Cultural Foundation, 2006. 703 p. (in Russ.).
18. Семёнова-Тян-Шанская О.П. *Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний*. М.: Ломоносовъ, 2010. 192 с.
Semyonova-Tyan-Shanskaya O.P. *The life of «Ivan». Essays from the everyday life of peasants of one of the chernozem provinces*. Moscow: Lomonosov Books, 2010. 192 p. (in Russ.).
19. Ульянова Л.В. Слухи в инструментарии политической полиции. 1880–1905 гг., в: *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей*. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 290–299.
Ulyanova L.V. Rumors as the tools of the political police. 1880–1905, in: *Rumors in Russia of the 19th–20th centuries. Unofficial communication and the «sharp turns» of Russian history: Collection of articles*. Chelyabinsk: Kamennyyi poyas, 2011. P. 290–299 (in Russ.).
20. Успенский Д.И. Толки народа (Неурожай – Холера – Война). *Этнографическое обозрение*. 1893;(2):183–189.
Uspensky D.I. The rumors of the people (Crop failure – Cholera – War). *Etnograficheskoe obozrenie*. 1893;(2):183–189 (in Russ.).

21. Чистов К.В. *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* М.: Наука, 1967. 339 с.
Chistov K.V. *Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries.* Moscow: Nauka, 1967. 339 p. (in Russ.).
22. Щербакова Е.И. «Неурожай от Бога, а голод от правительства». Департамент полиции и крестьянский мир, в: *Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности.* Кн. 2 / Ред.: А.Ю. Попов. М.: Алгоритм, 2018. С. 132–143.
Shcherbakova E.I. «The crop failure is from God, and famine is from the government». The Police Department and the peasant world, in: *Secret Guard of Russia. Essays on the history of Russian state security agencies.* Book 2 / Ed. by A.Yu. Popov. Moscow: Algoritm, 2018. P. 132–143 (in Russ.).
23. Энгельгардт А.Н. *Из деревни. 12 писем (1872–1887).* М.: Сельхозгиз, 1956. 491 с.
Engelhardt A.N. *From the village. 12 letters (1872–1887).* Moscow: Sel'khozgiz, 1956. 491 p. (in Russ.).

Щербакова Екатерина Игоревна
Yekaterina I. Shcherbakova

кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
общественно-гуманитарных дисциплин
Московской школы экономики МГУ
имени М.В. Ломоносова,
AuthorID: 485769

.Sc. (History), Associate Professor, Social
and Political Sciences Department Deputy
Head, Moscow School of Economics
Lomonosov Moscow State University,
AuthorID: 485769

Поступила в редакцию /
Received
02.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
02.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
04.05.2026